

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
THE LABOURS OF HERCULES

© 1947 Agatha Christie Limited. AGATHA CHRISTIE, POIROT
and the Agatha Christie Signature are registered trade marks of
Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved

Кристи, Агата.
К82 Подвиги Геракла / Агата Кристи; [пер. с
англ. Н. Х. Ибрагимовой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 384 с. — (Агата Кристи.
Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-96653-0

Имя сыщика Пуаро — Эркюль (Hercule) — происхо-
дит от имени древнегреческого героя Геракла (Hercules).
И пусть маленький усатый бельгиец внешне не похож
на мифологического гиганта, но дела сыщику прихо-
дится вершить не менее великие. В сборнике «Подвиги
Геракла» каждая из двенадцати новелл о расследованиях
Эркюля Пуаро перекликается с соответствующим под-
вигом Геракла.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Ибрагимова Н. Х., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-96653-0 ООО «Издательство «Э», 2017

*С любовью посвящаю
Эдмунду Корку, чьи труды
на благо Эркюля Пуаро
я высоко ценю*

Предисловие

Квартира Эркюля Пуаро была обставлена в основном современной мебелью. Она сияла хромом. Кресла с откидывающимися спинками, комфортабельные и мягкие, имели квадратные, четкие очертания.

В одном из таких кресел сидел Эркюль Пуаро, точно на середине сиденья. Напротив него, в другом кресле, сидел доктор Бёртон, член совета «Колледжа всех душ», и с удовольствием пил маленькими глотками вино Пуаро марки «Шато Мутон-Ротшильд». Доктор Бёртон не отличался аккуратностью. Он был толстый, неопрятный, и его румяное лицо под густой шевелюрой седых волос освещала добродушная улыбка. Он смеялся низким, хриплым смехом и имел привычку посыпать себя и все вокруг табачным пеплом. Тщетно Пуаро расставлял вокруг него многочисленные пепельницы.

— Скажите мне, почему Эркюль¹? — задал вопрос доктор Бёртон.

---

¹ Hercules (греч.) — Геркулес или Геракл, по-французски произносится «Эркюль».

6 Агата Кристи

— Вы имеете в виду имя, данное мне при крещении?

— Это вряд ли христианское имя, — усомнился гость. — Определенно языческое. Но почему? Вот что я хочу знать. Каприз отца? Прихоть матери? Семейные причины? Если я правильно помню — хотя моя память уже не та, что прежде, — у вас был брат по имени Ашиль¹, не так ли?

Пуаро быстро перебрал в памяти подробности карьеры Ашиля Пуаро. Неужели все это действительно произошло на самом деле?

— На протяжении короткого отрезка времени, — ответил он.

Доктор Бёртон тактично ушел от разговора об Ашиле Пуаро.

— Люди должны проявлять больше осторожности, давая имена своим детям, — продолжал размышлять он. — У меня есть внуки. Я знаю. Бланш, так зовут одну из них, — черная, как цыганка². Потом еще Дейрдре, Дейрдре Печальная, — она оказалась веселой и жизнерадостной³. Что касается юной Пейшенс, то ее лучше было бы назвать

---

¹ История Ашиля — вымышленного брата Эркюля Пуаро (Ашиль — французская транскрипция имени Ахилл) — рассказывается в романе А. Кристи «Большая четверка».

² По-французски *blanche* — «белая».

³ Древнее ирландское имя, на языке кельтов означало «с разбитым сердцем», «убитый горем». Дейрдре Печальная — героиня ирландской саги «Три сына Уснаха».

Импейшенс¹ и покончить с этим! А Диана — ну, Диана... — Старый специалист по античной филологии содрогнулся. — Она уже сейчас весит около ста семидесяти фунтов, а ведь ей всего пятнадцать лет! Говорят, это с возрастом пройдет, но мне так не кажется. Диана! Ее хотели назвать Еленой, но тут уж я решительно воспротивился. Зная, как выглядят ее отец и мать... И ее дед, если уж на то пошло! Я изо всех сил настаивал на Марте, или Доркас, или другом разумном имени, но все было напрасно, пустая трата слов. Странные люди эти родители...

Он тихо, с присвистом, хихикнул, и его маленькое пухлое личико сморщилось.

Пуаро вопросительно посмотрел на него.

— Представил себе эту воображаемую беседу. Как ваша мать и покойная миссис Холмс сидят и шьют или вяжут маленькие одежки и перебирают имена: Ашиль, Эркюль, Шерлок, Майкрофт...

Пуаро не разделял юмора своего друга.

— Как я понимаю, вы хотите сказать, что моя внешность не напоминает внешность Геракла?

Доктор Бёртон окинул взглядом Эркюля Пуаро, его маленькую, аккуратную фигурку в полосатых брюках, соответствующий черный жакет и изящный галстук-бабочку, окинул сыщика взглядом снизу вверх, от лакированных туфель до яйцевид-

---

¹ По-английски Пейшенс означает «терпение», Импейшенс — «нетерпеливость».

ной головы и огромных усов, украшающих верхнюю губу.

— Откровенно говоря, Пуаро, — ответил доктор Бёртон, — нет! Догадываюсь, — прибавил он, — что у вас никогда не хватало времени на изучение античной литературы?

— Это правда.

— Жаль. Жаль. Вы много упустили. Если б это зависело от меня, то всех надо было бы заставить изучать античную литературу.

Пуаро пожал плечами.

— *Eh bien*¹, я и без нее добился больших успехов.

— Добился успехов! Фокус не в том, чтобы добиться успехов. Это совершенно неправильная точка зрения. Античная литература — не лестница, ведущая к быстрому успеху, как курсы заочного обучения! Не рабочие часы человека важны, а часы его досуга. Мы все совершаем эту ошибку. Например, вы сами — вы стареете, скоро вам захочется отойти от дел, отдохнуть от забот; и что вы собираетесь делать со своим досугом?

На это у Пуаро был готов ответ:

— Я собираюсь заняться — серьезно — выращиванием кабачков.

— Кабачков? — поразился доктор Бёртон. — Что вы хотите сказать? Этих больших раздутых зеленых плодов, водянистых на вкус?

---

¹ Итак; ну, хорошо (*фр.*).

— Ах, — с энтузиазмом заговорил Пуаро, — но в этом же все дело. Они не должны иметь водянистый вкус.

— О! Их посыпают сыром, или мелко нарезанным луком, или подают с белым соусом...

— Нет-нет, вы ошибаетесь. Моя идея заключается в том, что можно улучшить вкус самих кабачков. Им можно придать, — он прищурил глаза, — букет...

— Господи боже, послушайте, это же не кларет. — Слово «букет» напомнило доктору Бёртону о стоящем рядом бокале, и он сделал глоток, наслаждаясь вкусом. — Очень хорошее вино. Очень качественное. Да. — Он одобрительно кивнул. — А эти кабачки — вы же не серьезно? Вы не хотите сказать, — он заговорил с подлинным ужасом, — что сами будете наклоняться, — его руки легли на его собственный пухлый живот с ужасом и сочувствием, — наклоняться и вилами разбрасывать навоз на эти штуки, и подкармливать их прядями шерсти, смоченной в воде, и все остальное в этом роде?

— По-видимому, — заметил Пуаро, — вы хорошо знакомы с выращиванием кабачков?

— Видел садовников, которые этим занимались, когда жил в деревне. Но, серьезно, Пуаро, что за хобби! Сравните его с... — тут его голос превратился в восхищенное мурлыканье, — креслом перед камином, где горят дрова, в длинной комнате с низким потолком, с книгами по стенам, — это должна непременно быть длинная комната, не ква-

дратная. Книги по всем стенам. Бокал портвейна, открытая книга в руке... Время катится назад, когда вы читаете... — Далее последовала звучная цитата по-гречески, а за нею — перевод: — «...Кормчий уменьем своим // По виноцветному морю ведет корабль, ветру наперекор...» Разумеется, невозможно передать полностью дух оригинала.

В этот момент, охваченный энтузиазмом, он забыл о Пуаро. А тот, наблюдая за ним, внезапно ощутил сомнение, некоторую неловкость. Есть ли нечто такое, что он упустил? Некое богатство духа? Его постепенно охватила печаль. Да, ему следовало познакомиться с античной литературой... Давно... Теперь, увы, уже слишком поздно...

Доктор Бёртон прервал его меланхоличные размышления:

— Вы хотите сказать, что всерьез думаете отойти от дел?

— Да.

Его собеседник хихикнул:

— Вы этого не сделаете!

— Но я уверяю вас...

— Вы не сможете этого сделать, приятель. Вы слишком увлечены своей работой.

— Нет, действительно, я уже обо всем договорился. Еще несколько дел — особых, специально отобранных дел, не тех, вы понимаете, которые сами подворачиваются, — только те проблемы, которые привлекают лично меня.

Доктор Бёртон усмехнулся:

— Так оно и бывает. Всего одно-два дела, всего еще одно дело... и так далее. Прощальная гастроль примадонны — так будет и с вами, Пуаро!

Он рассмеялся и медленно встал: дружелюбный, седовласый гном.

— Подвиги Геракла не для вас, — сказал ученый. — Для вас — подвиги любви. Вы увидите, прав ли я. Держу пари, что через двенадцать месяцев вы все еще будете здесь, а кабачки, — он содрогнулся, — по-прежнему останутся кабачками.

Доктор Бёртон покинул хозяина дома, оставив его в скупо обставленной прямоугольной комнате.

Он покидает эти страницы и больше не вернется. Нас интересует только то, что он оставил после себя, а оставил он Идею.

Ибо после его ухода Эркюль Пуаро снова медленно сел, как человек во сне, и прошептал:

— Подвиги Геракла... Да, это идея...

На следующий день Пуаро можно было увидеть листающим большой том в телячьей коже и другие, более тонкие книги. Иногда он быстро заглядывал в различные листы бумаги с напечатанным на машинке текстом.

Его секретарша, мисс Лемон, получила задание собрать сведения о Геракле и представить их ему. Без всякого интереса (она не принадлежала к тем людям, которые задают вопрос «зачем?»), но весьма эффективно мисс Лемон выполнила задание.

Эркюль Пуаро с головой погрузился в сбивающее с толку море античных мифов, проявляя особый интерес к «Гераклу, прославленному герою, ко-

торый после смерти занял место среди богов, и ему оказывали божественные почести».

Вначале все шло хорошо, но постепенно он погружался все глубже. В течение двух часов Пуаро прилежно читал, делал пометки, хмурился, сверялся со своими листочками и с другими справочниками. В конце концов он откинулся на спинку кресла и покачал головой. Настроение предыдущего вечера исчезло. Что за люди!

Возьмем этого Геракла — этого героя... Герой, в самом деле! Кем он был, как не крупным мускулистым существом с низким интеллектом и преступными наклонностями? Геракл напомнил Пуаро некоего Адольфа Дюрана, мясника, которого судили в Лионе в 1895 году, — тот был силен как бык и убил нескольких детей. Защита настаивала на эпилепсии (которой он, несомненно, страдал, хотя в тяжелой форме или в легкой — это было предметом обсуждения в течение нескольких дней). Этот древний Геракл, вероятно, страдал ею в тяжелой форме. Нет, покачал головой Пуаро, если древние греки *так* представляли себе героя, то по современным меркам это никуда не годится. Весь этот античный пантеон его шокировал. Эти боги и богини... по-видимому, у них было много разных имен, как у современного преступника. Действительно, они казались определенно преступными типами. Пьянство, дебоши, кровосмешение, насилие, грабежи, убийства и кляузы — достаточно, чтобы у следственных и судебных органов постоянно была работа. Никакой нормальной семейной

жизни. Никакого порядка, никакого метода. Даже в их преступлениях — ни порядка, ни метода!

— Геракл, в самом деле! — произнес Эркюль Пуаро, поднимаясь с кресла разочарованный.

Он с одобрением огляделся. Квадратная комната с добротной квадратной современной мебелью. Даже с хорошей современной скульптурой, изображающей один куб, поставленный на другой, а над ним — геометрическая фигура из медной проволоки. А посередине этой сверкающей, упорядоченной комнаты — он сам! Пуаро посмотрел на себя в зеркало. Вот современный Геракл, весьма отличающийся от того неприятного изображения обнаженной фигуры с рельефными мускулами, потрясающей дубинкой. Вместо него — маленькая, компактная фигурка, одетая в подобающую городскую одежду, с усами — с такими усами, какие Геракл и не мечтал отрастить, — пышными, но изысканными.

И все же между этим Эркюлем Пуаро и Гераклом из древнегреческих мифов было одно сходство. Оба они, несомненно, служили орудием избавления мира от бедствий. Каждого из них можно было назвать благодетелем того общества, в котором он жил...

Что сказал доктор Бёртон вчера вечером, когда уходил? «Подвиги Геракла не для вас...»

А вот тут он ошибался, это древнее ископаемое. Геракл должен снова совершить свои подвиги — современный Геракл. Своеобразное и забавное сравнение! За время, оставшееся до его окончательного

ухода в отставку, он возьмется за двенадцать дел, не больше и не меньше. И эти двенадцать дел следует отобрать по их сходству с двенадцатью подвигами древнего Геракла. Да, это будет не только забавно, это будет артистично, это будет одухотворенно...

Пуаро взял «Словарь античной литературы» и еще раз погрузился в мифы Древней Греции. Он не собирался слишком точно следовать своему прототипу. Не должно быть никаких женщин, никакой туники Несса. Подвиги, и только подвиги.

Значит, первый подвиг — это немейский лев.

— Немейский лев, — повторил Пуаро, пробуя эти слова на язык.

Естественно, он не надеялся, что появится дело, связанное со львом из плоти и крови. Было бы слишком большим совпадением, если б к нему обратился директор зоосада и попросил решить проблему с участием настоящего льва.

Нет, здесь должны участвовать символы. Первое дело должно касаться какого-нибудь известного общественного деятеля, оно должно быть сенсационным и иметь первостепенную важность! Какой-нибудь выдающийся преступник или, наоборот, человек, который является львом в глазах общества. Какой-нибудь известный писатель, или политик, или художник — или даже член королевской семьи?

Ему понравилась идея о члене королевской семьи...

Он не будет спешить. Он подождет, подождет этого чрезвычайно важного дела, которое станет первым из назначенных им себе Подвигов.

Подвиг первый

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ

I

— Есть что-нибудь интересное сегодня утром, мисс Лемон? — спросил Пуаро, входя в комнату на следующее утро.

Он доверял мисс Лемон. Она была женщиной, лишенной воображения, но наделенной инстинктом. Все, что мисс Лемон считала стоящим внимания, обычно стоило внимания. Она была прирожденной секретаршей.

— Ничего особенного, месье Пуаро. Есть всего одно письмо, которое, по-моему, может вас заинтересовать. Я положила его сверху.

— И что за письмо? — Он с любопытством шагнул вперед.

— Оно от человека, который хочет, чтобы вы расследовали исчезновение собаки-пекинеса его жены.

Пуаро замер, уже подняв ногу для следующего шага. И с горьким упреком взглянул на мисс Лемон. Она, не заметив этого, уже начала печатать.